

военный боевик

ПОБЕД

КОНЦЕНТРАЦИЯ СМЕРТИ

МАКСИМ ШАХОВ

Максим Шахов
Концентрация смерти

«ЭКСМО»

2013

Шахов М. А.

Концентрация смерти / М. А. Шахов — «Эксмо», 2013

Капитан Николай Зубков попал в плен к фашистам и угодили в концлагерь у польского города Ченстохов. Спустя некоторое время капитан разработал план побега и, набрав надежных помощников, начал рыть подкоп. Когда оставалось совсем немного, комендант лагеря почувал неладное и приговорил капитана к расстрелу. Перед казнью Зубков успел нарисовать план подкопа на обороте подкладки своей жилетки, которую через лагерного парикмахера чеха Водичку передали другу Зубкова – летчику Михаилу Прохорову. Михаил решает довести дерзкий план побега до конца...

© Шахов М. А., 2013

© Эксмо, 2013

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	15
Глава 3	22
Глава 4	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Шахов Максим Анатольевич

Концентрация смерти

Глава 1

Они справедливо считали себя везунчиками. А разве это не счастье, если тебя завтра должны прилюдно казнить? Казнили бы еще и сегодня, но комендант лагеря решил сделать это показательно на Первомай. Их ожидало немного боли, немного унижения и страданий. Зато все мучения останутся позади, навсегда... Это не короткий сон, когда к спящему приходят обманчивые фантазии, когда сбываются самые сокровенные желания. Ты вволю пьешь чистую родниковую воду, вволю ешь, можешь идти, куда хочется. Но наесться во сне невозможно, нельзя утолить жажду, куришь папироску за папироской, не чувствуя запаха дыма, а движения становятся замедленными, и ты не можешь сойти с места. И тем страшнее пробуждение – это ужасная расплата за призрачные видения сна. Ты понимаешь, что кошмарный лагерь для военнопленных никуда не подевался, а ты вновь его пленник. Дорога же на волю отсюда только одна – труба крематория. Она дымит и днем и ночью. С тяжелым черным дымом уплывают в небеса тела и души твоих товарищей. Они были не хуже и не лучше тебя, просто им повезло отправиться в небытие, окончить свои земные страдания.

Согласитесь, это же счастье – знать, что тебя наверняка убьют завтра, а умереть придется не в газовой камере, не за сортиром от пули в затылок, а торжественно, на глазах товарищей. Может, даже удастся крикнуть им что-нибудь на прощание. Вот только что? Все слова перед смертью кажутся незначительными...

Примерно так думал немолодой капитан Красной армии Николай Зубков, полгода назад попавший в немецкий плен. самого момента пленения он не помнил, да и не мог помнить. В тот день ему пришлось со своими красноармейцами без всякой подготовки пойти в наступление, был приказ взять высоту. Идиотский приказ, как понимал тогда капитан, кому она нужна была, та проклятая высота, ничего не решавшая на этом участке фронта, но против приказа на войне не поспоришь. Так захотелось заезжому генералу...

Атака роты, в которой бойцов осталась треть, быстро захлебнулась. Пришлось залечь почти в чистом поле. Людей от роты Зубкова еще поубавилось, но отбивали контрнаступление немцев. Гитлеровцы шли цепочкой, как казалось капитану, нагло, с высоко закатанными рукавами. И только пулемет сдерживал их движение. И тут пулемет замолчал. Когда Зубков, сделав три перебежки по простреливаемой местности, скатился в воронку, то тут же выматерился. Он оттащил от «дегтяря» убитого пулеметчика, и пулемет вновь заговорил.

Немцы залегли. Однако радоваться было рано. За пригорком ожил миномет. Бухал, взывал противным надсадным гулом, и вновь бухал. Наверняка его умело корректировали по рации, каждый взрыв ложился все ближе и ближе к огневой позиции Зубкова. В голове крутилась предательская успокоительная мысль: мол, снаряд в одну и ту же воронку дважды не попадает – значит, уцелею...

Взорвалось совсем рядом, и капитан провалился в темноту. Когда он вновь открыл глаза, то увидел над собой покачивающееся небо, по которому плыли белые облака. Зубкову удалось приподнять голову. Капитан лежал в крестьянской телеге вместе с другими ранеными красноармейцами, которая неторопливо двигалась по пыльной дороге в колонне пленных. Что ж, капитан был везунчиком с детства, ему и теперь повезло, выжил, только сильно контузило. Ну а потом сменилось несколько лагерей для военнопленных: под Минском, в Волковыске, теперь здесь – филиал Майданека, лагерь для пленных советских офицеров в польской Ченстохове.

Можно сказать, и тут ему повезло. Мало того, что лагерь, по сути, являлся коммерческим предприятием – здесь изготавливали обувь, ремни, португези для солдат вермахта, а потому хоть минимально заботились о том, чтобы пленные могли протянуть на таких работах полгода, а то и год, если узник являлся ценным кадром в смысле профессии. Зубкову повезло попасть на производство, где изготавливали и правили скорняцкий инструмент, который должен быть постоянно идеально острым и заточен специальным образом, иначе обувь не выкроишь по лекалам. Свою роль сыграло то, что на гражданке до мобилизации Николай работал мастером на метизном заводе в Харькове. Ушел на фронт добровольцем в первые месяцы войны, хоть и имел бронь. Попади Зубков в число тех, кто шил, сбивал обувь деревянными гвоздями, а еще хуже, стал бы одним из тех несчастных, кто эти сапоги растапывал на плацу с утра до вечера, чтобы немецкий солдат не натер ноги на Восточном фронте, то вряд ли бы дожил и до сегодняшнего дня.

И вот теперь в числе одиннадцати пленных советских офицеров он оказался в бараке для смертников. Или, вернее было бы сказать, это остальные десять оказались там благодаря ему. В лагерных кошмарах все так запутано, поди разберись, кто кому и что должен, где и чья вина. Уже одно то, что ты остался жив, означает, что сотни твоих товарищей погибли, казнены, и ты доживаешь за них. Вот пришел и черед Николая отдать свою жизнь.

Уцелеть в лагере на более-менее продолжительное время можно лишь двумя способами. Или же ты превращаешься в рабочую скотину, которая безропотно сносит все, что выпадает на ее долю, довольствуется тем, что ей дают, и перестает думать о других. Мол, умри ты сегодня, а я завтра. Или же ты должен сопротивляться, а открыто делать это невозможно. Кто-то вел подпольную агитацию и платился за это жизнью. А кто-то, как Зубков, готовил побег. Это самый большой стимул выжить – верить, что окажешься по ту сторону трех рядов колючей проволоки, по которой пропущен электрический ток смертельного напряжения. Правда, не совсем было понятно, что произойдет потом, по ту сторону колючки, ведь беглеца будет три дня искать тысяча ээсовцев с собаками. Их всегда доставляли назад – живых или мертвых. Но душу грело то, что Польша все же не Германия. Здесь можно было рассчитывать хотя бы на сочувствие...

Сперва их было семеро, тех, кто готовил вместе с Зубковым побег. Дело продвигалось, работали по ночам, благо жилой блок для тех, кто работал на изготовлении и ремонте скорняжного инструмента, располагался в одном бараке с мастерской. Их отделяла лишь дверь, которую замыкала на ночь охрана, но изготовить ключ, когда в твоём распоряжении станки и материалы, для хорошего специалиста не проблема.

Копали под пожарным ящиком с песком, который и десять человек не могли бы сдвинуть с места. Песок выгружали, ящик отодвигали и забирались в лаз. Работали по очереди – парами. Один копал, второй выносил землю. В узком проходе и одному было не повернуться. К утру пожарный ящик возвращали на место, а выбранный из лаза песок выносили из барака в сапогах, старались высыпать в чихлую траву, где он был не так заметен. Иногда относили его к сортиру, за которым высилась земляная куча, образовавшаяся из отходов выгребной ямы, присыпанных землей...

За время работы четверо пленных умерли от болезней, двоих отправили в газовую камеру. Остался лишь Зубков, затеявший подготовку к побегу, он и в одиночестве продолжал копать подземный ход к воле, пока не попался с поличным. Его по дороге утром в сортир задержал один из охранников. Николай нес в сапоге песок. Правда, Зубкову удалось повернуть дело так, будто он, не получив на то разрешения, углублял землю под верстаком. Мол, рост у него немаленький, неудобно стоять. Разбирательство проводил сам комендант лагеря. Пол у верстака и в самом деле был углублен под рост Зубкова. Лаза под пожарным ящиком с песком так и не обнаружили, не догадались опорожнить его. Но господина коменданта трудно было провести, он нюхом чуял, что дело нечисто, стоило ему взглянуть в глаза капитану. Сломав-

шихся он с первого взгляда отличал от тех, кто душой рвался на волю. А потому и оформил все как попытку побега, за которую полагалось казнить не только Зубкова, но и еще десять пленных в назидание другим, чтобы охотней доносили о готовящихся побегах.

Вот так одиннадцать «везунчиков» и оказались вместе в бараке для смертников. Завтра их ждала казнь. Николай не жалел ни о чем, но было обидно сознавать, что работы оставалось всего на неделю-вторую, а теперь Зубков оставался единственным хранителем тайны про сделанный подкоп, и ему не с кем было этой тайной поделиться.

Зачем коменданту был нужен перенос казни на завтра, стало понятно лишь к вечеру, когда в бараке для смертников появился Франтишек Водичка – словак, то ли сидевший, то ли служивший в офицерском лагере парикмахером, причем он пришел не с пустыми руками, а со своим инструментом.

– Здравствуйте, камрады, – вполне весело обратился он к смертникам. – Мне приказано сделать так, чтобы на тот свет вы отправились молодыми и красивыми. Кто первый? – И Водичка принялся раскладывать свой инструмент, совсем не опасаясь того, что кто-нибудь из приговоренных схватит опасную бритву и полоснет его по горлу.

Какие могли быть счеты к человеку, который и сам являлся рабом этого лагеря? Не повезло Франтишеку, хоть Словакия в то время вроде бы и являлась союзницей Германии. Призванный в армию, попал Водичка в тыловые части, служил в Беларуси, один оболтус в его отделении элементарно пропил свой карабин, обменяв его у хуторян на самогон. Пьяницу показательно расстреляли перед строем, а все подразделение отправили в концлагерь, откуда Франтишек, благодаря его гражданской профессии парикмахера, попал на хлебную должность в лагерь для военнопленных красноармейских офицеров. Боялись немцы подставлять для бритвы свои шеи советским рукам. И надо сказать, боялись справедливо.

– С чего бы такая честь? – поинтересовался Зубков.

– Не знаю. Мне немцы не докладывают. Но, кажется, комендант решил устроить вам показательную казнь. На плацу виселицу с высоким помостом сбивают. А лагерный духовой оркестр с самого утра Вагнера репетирует. Если повезет, то и фотокорреспондент приедет, как в прошлом году, – рассуждал Водичка, взбивая в чашке густую мыльную пену. – Снимок в газете напечатают. Хоть какая-то память останется. Потом кто-нибудь из родственников на фото узнает.

– У меня на Родине немецких газет не выписывают, – неохотно пробурчал Зубков.

– Случиться может всякое. Ну, кто первый? Мыло, кстати, французское.

– Неужели комендант такой щедрый? – удивился один из узников.

– Нет, это презент уже лично от меня. Экономил.

Один смертник уже сидел на нарах, его шею и щеки густо укрывала мыльная пена. Пахло удивительно вкусно, словно в бараке расцвела сирень. Острая бритва скребла давно не бритую щетину. Франтишек работал искусно, даже несмотря на отсутствие горячей воды ни разу не порезал. И тут до Зубкова дошло, что появление Водички – это его шанс. Нет, не на личное спасение, а лишь на то, чтобы его труд и труд его погибших, умерших товарищей не пропал зря. Парикмахер оказался единственной случайной ниточкой, временно связавшей его с лагерем. Пусть не он сам воспользуется лазом, а другой пленный офицер, и это станет его вкладом в будущую победу. Так всегда бывает на войне, одни погибают для того, чтобы жили другие.

Капитан не спешил занять место возле парикмахера. Он забился в дальний угол нар, стащил с себя теплую стеганую жилетку, в которой давно уже хотел зашить порвавшуюся подкладку, но, слава богу, не успел, вывернул ее наизнанку через дырку и, вытащив из тайника под стелькой ботинка коротенький, на пару сантиметров, огрызок химического карандаша, стал торопливо слюнить его и писать, рисовать на материи. Даже кусочек карандаша, предназначенного для разметки кожи, присвоенный Зубковым по случаю, оказался кстати. Лагерь такое место, где никакие вещи лишними не бывают. Пленный всегда найдет им применение.

Зубков брился последним. Он сидел голым до пояса, под кожей четко проступали ребра. Белая пена хлопьями падала ему на грудь, и Водичка тут же подхватывал ее влажной тряпкой так, словно клиент мог предъявить ему претензии. Наверняка он и до войны именно так, аккуратно и старательно работал в собственной парикмахерской на окраине Братиславы.

Наконец, Франтишек вскинул небольшое вогнутое зеркальце, в котором Николай увидел свое, хоть и слегка помолодевшее, но все же осунувшееся лицо.

– Благодарить не надо, тем более платить, – предупредил Водичка. – Не вы же меня пригласили. Удачи желать не буду. Не тот случай. – И парикмахер принялся торопливо собирать инструмент; не слишком ему было уютно в компании смертников, никому не захотелось бы здесь задерживаться.

– Погоди, Франтишек, – негромко попросил Николай.

Водичка вскинул голову, в глазах мелькнул страх. Вдруг как сейчас осужденный на смерть попросит о чем-то запрещенном. Присоединиться к завтрашнему показательному представлению с одиннадцатью смертельными номерами в качестве полноправного участника ему совсем не хотелось.

– Слушаю, – выдал он из себя, ведь был обязан Зубкову «по жизни», советский капитан не раз и не два ремонтировал ему инструмент, точил ножницы, при этом не требовал никакой благодарности и платы.

Зубков сделал паузу, он еще до конца не решил, кому доверить тайну. Хотелось сделать это наверняка, чтобы человек ею воспользовался. Во-первых, догадался, во-вторых, не струсил, довел начатое до конца и не сдал, струсив, тайну администрации лагеря.

– Мне все равно на том свете не пригодится, – Зубков старался говорить как можно спокойнее. – Так что прошу, передай это... – Николай вновь задумался, перебирая в памяти тех, кого знал по лагерю. – Старшему лейтенанту Прохорову из пятого барака, – и он положил перед словаком свернутую суконную жилетку. – Хорошая, теплая. Жаль, если пропадет.

– Это который Михаил, летчик? – тут же выказал свою осведомленность Франтишек. – У него еще щека обгоревшая, красная?

– Он самый. Только извинись от меня. Все руки не доходили дырку в подкладке зашить. Пусть уж сам постарается. Теплая жилетка.

Водичка развернул жилет, старательно прощупал швы, даже руку в дырку в подкладке засунул. Проверял, нет ли там чего недозволенного, хотя бы письма или записки.

– Я тебя за собой не потяну, не бойся, – успокоил его Зубков. – Хватит того, что на моей совести десять товарищей, – он кивнул на смертников.

– Сделаю, – пообещал Водичка, снял пиджак, надел под него жилет. – Так легче вынести будет. Охрана и не заметит, – пояснил он.

Отказывать смертнику в просьбе считалось плохой приметой. Теперь Зубков не сомневался, что его подарок попадет по назначению. Вот только поймет ли послание бывший летчик Михаил Прохоров? Сумет ли им воспользоваться?

– Обязательно за подкладку извинись, – бросил Николай вслед парикмахеру. – Не хочу, чтобы Миша подумал, будто я оборванец какой-то.

Дверь в барак смертников тяжело закрылась, лязгнув засов. Зубков стал на нары, выглянул в маленькое зарешеченное окошко под самым потолком. Что происходит с Водичкой, он не мог видеть. Парикмахер не появлялся в поле зрения долго.

– Лишь бы охрана не нашла мое письмо... – твердил Зубков.

Наконец он вздохнул с облегчением, так глубоко, словно для него персонально отворились ворота темницы. Франтишек Водичка, сжимая в руке саквояж с инструментами, спешил к административному корпусу. Николай спрыгнул на земляной пол, потер гладко выбритый подбородок.

– Чего радуешься, словно бога за бороду ухватил? – довольно неприязненно спросил пожилой пленный. – Лучше бы помолился, капитан, в мыслях покаяться бы. Есть нам, в чем каяться. Я после Октября про Бога и думать забыл, в активисты подался, а вот в лагере вспомнил. Есть Он на небесах. Все по Его воле случается. И каждое ниспосланное испытание человек заслужил. Как наш батюшка в приходской церкви говорил: не пошлет Господь такого испытания, какого человек не в силах вынести, только по силам каждому посылает. Вот и нам испытание ниспослано.

– Религия хоть и опиум для народа, но тут твой батюшка верно сказал про то, что по силам каждому испытание дается. Вынесем, куда уж денемся, – криво ухмыльнулся Зубков. – А покаяться в душе я и под виселицей успею. Неправильно это, когда человек день и час своей смерти знает, кается не от чистого сердца, а по необходимости, но с другой стороны, и свое удобство в этом имеется.

Ничего больше не объясняя товарищам по несчастью, Зубков лег на деревянные нары, закинул руки за голову. Сегодняшний день, предпоследний в его жизни, выдался на удивление спокойным. Никто не докучал смертникам, не гнал на работу, не заставлял по нескольку часов стоять без движения на плацу. О том, что за тяжелой дверью страшный лагерь, напоминали лишь шаги охранника да его тень, то и дело неторопливо проползавшая в узкой щели между землей и дверным полотном.

Иллюзий насчет своего будущего Николай больше не строил, он просто мечтал о том, чем сможет обернуться его подарок с неоконченным подкопом. О плохом старался не думать: за каждого попытавшегося бежать узникам предстояла расплата – десять случайных пленных шли на казнь. Но все равно...

Зубкову в мыслях виделось, как Михаил Прохоров с теми, кому он доверит тайну, выберутся через подземный ход ночью, как им удастся уйти затемно подальше, а потом отсидеться, переждать погоню с тем, чтобы уйти на восток, добраться до Беларуси, Украины, влиться в один из партизанских отрядов. Видение оканчивалось тем, что Прохоров сидит в лесу возле костра и рассказывает друзьям по оружию, что оказался на свободе благодаря именно ему, Николаю Зубкову.

В темноте барака смертников слышались звуки. Никто не спал. Кто-то тихо молился, с трудом припоминая забытые слова молитвы, кто-то сдерживал плач, кто-то вполголоса вел разговор с близкими так, словно они были рядом. За окошком под самым потолком то и дело проходил луч мощного прожектора, но и он наконец растворился, исчез в лучах утреннего первомайского солнца.

* * *

– С Первомаем, товарищи офицеры, – тихо обратился к другим смертникам Зубков.

– Да уж, неплохой у нас праздничек выдался, – дрожащим голосом, но все же стараясь держаться, произнес еще почти безусый младший лейтенант.

– А праздник – он по-любому праздник, – вставил пожилой старлей.

Сколько сейчас времени, точно не знал никто, но в лагере еще царила тишина, значит, не наступил час подъема.

– Не забудьте как следует оправиться, – абсолютно серьезно напомнил Николай. – Говорят, что у повешенного моча сама собой выливается. Не хотелось бы в мокрых штанах висеть на потеху гитлеровцам.

Это замечание вызвало невеселый смех. Мужчины все еще держали себя в руках, хотя было понятно, что практически все из них находятся на грани нервного срыва. Каждую секунду могло случиться все, что угодно: и рыдания, и крики, и агрессия, и мольбы оставить в живых.

Никто точно не знал, хватит ли сил продержаться достойно до самого конца. Ведь умирать любому человеку приходится всего однажды... Никто не знал, где предел его возможностям.

Громыхнула из радиодинамиков над лагерем музыка, но на этот раз не такая, как всегда, не один из бравурных немецких маршей, а симфонический оркестр. Шмелями завывали скрипки, скрипели контрабасы, рассыпалась стекольным звоном челеста, глухо ухали барабаны с литаврами, разлетелся искрами звон тарелок. А затем зазвучал оперный тенор. Несмотря на то, что большинство узников сносно знали немецкий язык – лагерная жизнь научила, понять слова арии было невозможно. Они казались каким-то замогильным средневековым заговором. По крикам охраны и лаю овчарок нетрудно было догадаться, что начинается очередной кошмарный день.

Смертники стали переглядываться, хотя до этого избегали смотреть в глаза друг другу.

– Что такое? – Взгляд юного младшего лейтенанта забегал.

– Хорошая музыка, – пожал плечами Зубков. – В этом нашему коменданту отказать нельзя. Вкус есть, совести нет. А ты держись, классика, она на мозг сильно давит, на то и рассчитано. Смотри, чтобы на слезу не пробило.

– Не дождутся.

Прошло около четверти часа, может, больше или меньше, время для осужденных на смерть шло в двух измерениях. С одной стороны, неудержимо пролетало, с другой – растягивалось до бесконечности. Послышался лязг засова. Зубков поднялся, пригладил дрогнувшими ладонями короткие волосы. Дверь отворилась, в барак потоком хлынул солнечный свет. Его лучи заискрились в пыльном, застоявшемся воздухе. Раскрытая дверь казалась выходом в иной мир. В барак забежали охранники из числа заключенных с тяжелыми дубинами, готовясь выгнать упирающихся смертников на улицу.

– Мы сами, – поспешил крикнуть Зубков, вскинул руку и шагнул навстречу солнцу.

На удивление, этот крик возымел действие. Никто из осужденных на смерть не стал упираться, все двинулись за Николаем. Он шел, вскинув голову, поскольку знал: товарищи смотрят на него. Яркий свет слепил после полумрака барака. Капитан почти ничего не видел. Он слышал отрывистые крики команд. Музыка из динамиков на какое-то время смолкла. Раздалась частая барабанная дробь. Глаза наконец привыкли к яркому свету.

Дорогу к эшафоту с двух сторон обрамляли плотные шеренги из солдат вооруженной немецкой охраны лагеря и охранников из заключенных. За ними стояли пленные, выстроенные в две шеренги. Среди них бегали с перекошенными от злости мордами немецкие прихвостни с дубинками и следили за тем, чтобы никто не отводил от смертников взгляда.

– Не закрывать глаза!

– Смотреть!

Странно, но эти русские слова на слух воспринимались Зубковым отрывистой, похожей на лай лагерных овчарок, немецкой речью. Он поискал глазами. Тот, кому он решил доверить свою последнюю тайну, неоконченный подземный ход – Михаил Прохоров, стоял в третьем ряду. Он еще наверняка не получил жилетки, не стал бы словак Водичка так рисковать в день казни, но Николай хотел взглядом подсказать, что подарок не простой, с двойным дном. Благо руки не были связаны. Зубков расстегнул френч и сделал вид, что закладывает пальцы под воображаемую жилетку.

Михаил Прохоров увидел этот жест и даже ободряюще кивнул, но явно ничего не понял. Как хотелось Николаю Зубкову броситься через оцепление, через шеренги построенных на плацу пленных к нему. Всего-то пары слов хватило бы, чтобы все объяснить... А потом пусть будет все, что угодно. Его повалят на землю и забьют, затравят овчарками. Какое это имеет значение перед обличем близкой смерти? Но он понимал, что не пробежит и двух шагов, не успеет сказать заветных слов, которые вывел на подкладке огрызком химического карандаша.

Дубинка обрушилась на спину Зубкову. Это постарался один из своих же пленных, служащий в охране.

– Пошел, пошел.

Одиннадцать смертников преодолевали свой последний путь. Под ногами пылил вытоптаный до голой земли плац. Барабанная дробь вновь сменилась музыкой. Над головами надрывались громкоговорители. Где-то в душе Николай даже был благодарен коменданту лагеря за включенную классическую музыку. Смерть всегда безобразна. А звуки симфонического оркестра и голоса оперных певцов придавали ей хоть какое-то подобие благородства и высшего смысла.

Николай смотрел на своих товарищей по несчастью – выдержат ли до конца, поведут ли себя достойно или у кого-то сдадут нервы? Не бросится ли кто в ноги палачам, не примется ли молить их о пощаде. Сосредоточенные лица, взгляды словно обращены внутрь. Будто никто из смертников не видел того, что творится вокруг, а созерцал свою прошлую, близкую к завершению жизнь.

Впереди возвышался помост с длинной перекладиной виселицы. Она держалась на четырех массивных столбах. Одиннадцать толстых шершавых веревок с аккуратно сделанными петлями слегка раскачивались на весеннем ветру. Помост, возвышавшийся над плацем, казался кораблем, готовым отправиться в плавание.

Нацисты тоже уважали праздник Первомая. Но только называли его не Днем солидарности всех трудящихся, а Праздником труда. В его честь по всему лагерю были вывешены флаги – огромные красные полотнища с белыми кругами по центру и свастиками.

Черные свастики напоминали пауков, лениво шевеливших своими лапами. Герр комендант любил внешние эффекты. Даже виселицу в честь праздника украсили гирляндами из живой зелени. Словно готовили не к казни, а к свадьбе.

Смертников подвели к эшафоту, и музыка из динамиков смолкла. В руках музыкантов из пленных ослепительно блестели на утреннем солнце начищенные инструменты духового оркестра...

Дирижер, ловивший взглядом малейший жест коменданта – штурмбаннфюрера СС Вильгельма Гросса, дождался кивка и взмахнул палочкой. Из сверкающих труб внезапно полилась до душевной боли знакомая мелодия «Прощание славянки».

Зубков до этого был уверен, что взойдет на эшафот и примет смерть от рук палачей без единой слезинки. А тут почувствовал, как глаза его предательски влажнеют. Как из уголка глаза срывается и катится по щеке капля. Блеснули слезы и в глазах других смертников. У каждого с этой мелодией были свои воспоминания. Именно под нее большинство сегодняшних пленных уходили на фронт.

Вильгельм Гросс самодовольно улыбался. Он считал себя неплохим психологом и четко просчитал, чем сможет вызвать слезы у суровых мужчин, с которыми в этой жизни случилось все, что только могло случиться. Кроме смерти, конечно. Но и та находилась от них уже в паре шагов.

Полыхнула вспышка. Только сейчас сквозь слезную пелену Зубков заметил стоявшего рядом с оркестром военного фотокорреспондента – пожилого лысеющего мужчину в форме вермахта. Над вогнутой зеркальной тарелочкой блица струился дым магниевой вспышки. Стало мучительно стыдно за проявленную слабость. Мгновенно вспомнились строчки Владимира Маяковского о плачущем большевике, выставленном в витрине, возле которой толпятся ротозей.

Штурмбаннфюрер приподнял руку. Оркестр мгновенно смолк. Над плацем воцарилась тишина, и стало слышно, как посвистывает ветер в трехрядном ограждении из колючей проволоки. Одетый в черную, идеально выглаженную эсэсовскую форму, поджарый Вильгельм Гросс легко взбежал по лесенке на трибуну. Замер у микрофона, подвешенного на растяжках в

середине проволочного кольца. Зазвучал его отрывистый голос. Он говорил о Празднике труда, о великой Германии, о близкой победе германского оружия и о неблагоприятных пленных красноармейцах, которым Третий рейх милостиво сохранил жизнь с тем, чтобы после победы они могли вернуться на Родину к своим семьям. Но вместо того, чтобы приближать победу самоотверженным трудом, они занимаются вредительством, ленятся работать. Зря едят немецкий хлеб. Это из-за них немцы вынуждены снимать солдат с фронта и направлять их на охрану лагерей.

Гросс говорил без переводчика, простыми доходчивыми фразами, смысл которых большинству пленных был понятен...

– ...Германия не жаждет крови. Мы пришли освободить ваши народы от ига евреев и коммунистов. Мы несем вам европейскую цивилизацию и железный немецкий порядок, без которого нет будущего. Каждый, кто становится у нас на пути, будет сокрушен. Сегодняшняя казнь – предупреждение тем, кто пытается помешать установлению этого порядка...

Зубков старался не слушать то, что говорит комендант. В последние минуты земной жизни он беззвучно обращался к своим родным, которых уже давно не видел, даже не знал – живы ли они, прощался с ними в мыслях.

Окончив речь, Вильгельм Гросс спустился с трибуны. Из казни комендант решил сделать грандиозный спектакль. Внизу, под эшафотом, стоял стол, за которым восседал племянник коменданта – Фридрих Калау, занимавший должность лагерного медика. Он, используя свои связи, вытащил его с Восточного фронта и устроил служить под свое начало. Фридрих среди пленных пользовался относительным уважением. Слыл гуманистом. Однажды он даже вырезал пленному воспалившийся аппендикс, хоть и не был хирургом, просто решил попрактиковаться. Калау не шел ни в какое сравнение со своим предшественником – медиком-«мясником», знаменитым тем, что, когда один из пленных обратился к нему с сильно загноившимся пальцем, тот, недолго думая, ампутировал ему по локоть руку. После чего никто к нему ни с какими недомоганиями не обращался. Правда, предшественник Фридриха кончил плохо. Его нашли утонувшим в выгребной яме. Кто именно расправился с медиком, так и не нашли. Хотя и казнили за его убийство каждого седьмого пленного.

Охрана подводила смертников к столу. Доктор Калау учтиво предлагал присесть, мерил давление, заглядывал через зеркальце в зрачки и спрашивал о самочувствии. Затем во всеуслышание сообщал, что приговоренный к казни абсолютно здоров и адекватен. Военный фотокорреспондент старательно запечатлевал эти моменты «гуманного» отношения для читателей газеты и для будущих поколений.

Одиннадцать смертников поднялись на эшафот. С ними же взошел и Фридрих Калау. Он держал в руках кожаный саквояж с инструментами. Приговоренные к смерти стояли возле высоких табуретов, над которыми покачивались петли. Даже в очередности приведения приговора в исполнение комендант лагеря проявил изобретательность. Николая Зубкова должны были повесить последним. Ведь это из-за него остальные десять пленных оказались на эшафоте. И он обязан был видеть смерть каждого из них собственными глазами.

Зазвучала барабанная дробь. Четверо охранников из пленных схватили первого приговоренного. Тот попытался сопротивляться, но ему тут же заломили руки, связали их за спиной, поставили на табурет, набросили на голову петлю и ударом ноги тут же вышибли подставку. Несчастный повис, задергался, а затем затих. Доктор Калау подошел к нему, остановил раскачивающееся тело, деловито вставил в уши трубочки стетоскопа и приложил раструб к шее – рядом с глубоко врезавшейся в плоть шершавой веревкой. Через две минуты он сообщил, что смерть констатирована.

Конечно же, смерть он констатировал куда раньше. Но эта двухминутная задержка, во время которой каждый пленный с содроганием думал о том, что повешенный все еще жив, слышит, а возможно, и видит происходящее, была придумана комендантом лагеря. Он хотел

выжать из казни в психологическом плане все, что возможно, максимально запугать пленных, лишить их воли к сопротивлению.

Палачи взялись за второго смертника. Во время казни лагерные «шестерки» с дубинами бегали перед строем пленных, заставляли смотреть на эшафот, следили, чтобы никто не отводил взгляд, не закрывал глаза. Единственные, от кого этого не требовали, были сами смертники. Николай Зубков смотрел на покачивающуюся над ним петлю, в которой ему совсем скоро предстояло расстаться с жизнью...

В серую шершавую веревку была вплетена яркая красная нить. Еще одно чисто немецкое изобретение – элемент того самого железного орднунга. Только в веревках и канатах, предназначенных для нужд вермахта, имелась такая красная нить. И если у кого-то из штатских на оккупированной территории в хозяйстве находили такую веревку с красной нитью, то его ждала показательная казнь, как вора, посягнувшего на немецкое военное имущество.

Трещал барабан. Очередной смертник дергался в петле. Фридрих Калау, поглядывая на секундомер, методично констатировал смерть. Николай Зубков глянул на стоявшего рядом с ним под раскачивающейся петлей молоденького лейтенанта. Их взгляды встретились. И по глазам молодого человека капитан понял – еще немного, и тот не выдержит, станет молить палачей о пощаде, кричать, что ни в чем не виноват. Но как приободрить человека, идущего на смерть? Как убедить его в том, что мольбы бессмысленны и единственное, что осталось в жизни, это постараться с достоинством прожить последние минуты? Только своим примером!

И тут Зубков улыбнулся, он наконец понял, что должен сделать. Даже сейчас, оказавшись в абсолютно безвыходном положении, он способен совершить побег. Пусть и не через почти оконченный подземный ход, но это будет именно побег, причем совершит он его на глазах у всех: администрации лагеря, охраны, пленных товарищей.

Доктор Калау в очередной раз констатировал смерть. Еще пятеро осужденных оставались живы. И тут Зубков сам вскочил на табурет, накиннул себе петлю на шею.

– Да здравствует великий Сталин! – крикнул он. – Враг будет разбит, победа будет за нами!

К нему бросились охранники, но капитан опередил их. Сам оттолкнул табурет ногой и повис в петле. Он сумел совершить свой побег на глазах у всех.

Ровные шеренги пленных качнулись. Раздались крики:

– Да здравствует!

– Победа за нами!

Молоденький лейтенант отчаянно крикнул:

– Прощайте, товарищи! – И, вскочив на табурет, всунул голову в петлю.

Примеру Зубкова последовали и остальные остававшиеся в живых осужденные.

Немецкий орднунг из выстроенных по натянутой ниточке шеренг сломался... Слышались крики, ругательства. На пленных опускались дубинки. Охрана принялась стрелять. Спектакль, мастерски задуманный комендантом, получил совсем иной финал – не тот, на который рассчитывал штурмбаннфюрер Гросс.

Пленных удалось разогнать лишь через четверть часа. С десятков мертвых тел остались лежать на плацу. Узников загнали в отсеки, огороженные колючей проволокой. А одиннадцать смертников по приказу коменданта для устрашения оставили висеть на украшенных гирляндами из живой зелени виселицах.

Михаил Прохоров сидел на земле. По случаю праздника в лагере был выходной. Бывший военный летчик смотрел в небо и думал о том, что оно одно на всех. То же самое небо и над Германией, и над Польшей, и над его Родиной.

– А ведь теперь в мастерской по изготовлению заточки скорняжного инструмента никого и не осталось. Место хлебное, работая там, выжить можно.

– Эх, туда бы попасть.

Донеслись до слуха Прохорова фразы из разговора двух пленных.

– И не мечтайте, – сказал летчик. – Просто так туда никого не возьмут. Не с нашим счастьем.

Глава 2

Смычок неторопливо скользил по струнам скрипки. Тонкие пальцы коменданта двигались по грифу инструмента. Тускло поблескивал кабинетный рояль. Крышка инструмента была открыта, и белые клавиши, обклеенные пластинками из слоновой кости, казались оскаленной пастью диковинного монстра. Вильгельм Гросс, стоя у окна, музицировал. Исполнял свое любимое произведение – «Зимнюю сказку» Шуберта. Он самозабвенно запрокидывал голову и извлекал из старого инструмента нежную мелодию. Окончив игру, резко опустил смычок, положил скрипку в футляр и, опершись о подоконник, посмотрел с высоты мезонина на плац, посередине которого высился эшафот с одиннадцатью повешенными.

Племянник коменданта – Фридрих Калау, утопал в черном кожаном кресле рядом с сервированным журнальным столиком.

– Шуман, конечно, тоже великий композитор, – задумчиво произнес комендант, – но слабее Шуберта.

– Я люблю музыку, дядя, но плохо в ней разбираюсь, – признался Фридрих, рассматривая свой начищенный до зеркального блеска сапог.

– Музыку нужно чувствовать, а не разбираться в ней. – Он тронул пальцем струны скрипки. – Мы, немцы, очень музыкальный народ. Именно Шуберт воплотил в звуках немецкую душу. Неужели ты не услышал этого?

– Конечно, воплотил, – не слишком уверенно отозвался медик.

Комендант еще немного полюбовался виселицей, а затем вернулся к столу. Мягкое кожаное кресло с высокими подлокотниками приняло его в свои объятия, чуть слышно скрипнув. Штурмбаннфюрер сжал тонкие пальцы на горлышке бутылки. Разлил коньяк в низкие широкие бокалы.

– Выпьем за праздник, – предложил он племяннику.

Тот поднял бокал и хотел уже отпить, как дядя укоризненно покачал головой.

– Фридрих, плохие манеры непростительны для арийца. Коньяк должен согреться теплом твоей ладони, – и он показал, как следует держать бокал, вставив тонкую ножку между средним и безымянным пальцами, согревать его ладонью. – И вот, когда ты ощутишь аромат, тогда можно пригубить. Коньяк не следует глотать даже самыми маленькими глотками. Он должен растекаться, впитываться небом, языком.

– Хороший коньяк, – похвалил напиток Фридрих, когда попробовал его.

– Французский, – кивнул Вильгельм. – Коньяк – это то небольшое, что умеют хорошо делать французы. А вот их искусство – это полная деградация. Не живопись, а мазня. Не литература, а бред сумасшедшего. Я уже не говорю о французской кухне. – Штурмбаннфюрер взял из вазочки кусочек вяленой дыни и принялся неторопливо жевать. – Коньяк нужно закусывать именно дыней. Никогда не закусывай его лимоном. Это тоже дурной тон. Лимон хорош, чтобы перебить вкус рыбы. Цитрусовые и коньяк несовместимы.

Фридрих неторопливо прикладывался к коньячному бокалу. Ему, конечно, хотелось сегодня быть не на территории лагеря, а пойти домой, в поселок для администрации, зайти в гости к соседям, поболтать с их молодой дочерью. Но он считал неправильным оставить дядю одного, ведь тот так много для него сделал. В свое время вытащил его с Восточного фронта, можно сказать, жизнь спас.

– Все, что есть ценного в европейском искусстве, науке... да и вообще во всей европейской цивилизации, создано золотыми немецкими руками, золотым немецким умом. Возьмем, к примеру, классическую философию – это же чисто немецкое явление...

Фридрих слушал рассеянно. Штурмбаннфюрер вновь подсел на своего любимого конька – немецкую культурную исключительность.

– ...или возьмем Гете и Шиллера, – продолжал эсэсовец, – ты же не станешь со мной спорить, что последний на голову выше Шекспира. Шекспир просто пересказывал чужие сюжеты. Ничего своего не создал. Я уже не говорю о русской литературе, которой почему-то восхищаются европейцы. В русской истории есть только короткий золотой период. Это правление Екатерины Великой. Но ведь она же немка.

Фридрих согласно кивал, коньяк приятным теплом разливался по телу, туманил голову. Комендант тем временем, совершив небольшой исторический экскурс в восемнадцатое столетие, сделав вывод о невозможности восприятия славянами немецкого орднунга, вновь вернулся к музыке. На этот раз его мишенью оказался джаз.

– ...американцам никогда не стать по-настоящему великой нацией. Они обречены в культурном плане. Хотя бы потому, что у них нет своей музыки. Единственное, что они придумали, – это джаз. Но ведь это же музыка темнокожих недочеловеков, животных. Не зря же доктор Геббельс официально запретил играть на контрабасе, виолончели или скрипке без смычка.

Фридрих Калау почувствовал, как коньяк вскружил ему голову. Кабинет коменданта, в котором они сидели, как казалось доктору, стал слегка раскачиваться, словно они плыли на корабле.

– Некоторые смотрят на нас косо. Мол, мы с тобой тюремщики, – перескочил на другую тему Вильгельм Гросс. – Но наша миссия очень ответственна. Мы работаем с человеческим материалом. Заставляем недочеловеков трудиться на благо великой Германии. Тем самым высвобождаем немецких рабочих, даем новых солдат нашей непобедимой армии.

Фридрих, до этого момента почти все время молчавший, наконец заговорил. Алкоголь развязал ему язык настолько, что он взял на себя смелость поспорить с влиятельным дядей:

– И все же вина этого русского не была доказана, – задумчиво проговорил он.

– Да, подкопа мы не нашли. Но это ничего не меняет. Какая разница – делал он подкоп или нет? Просто этих скотов нужно постоянно держать в напряжении, в страхе. Именно поэтому я и распорядился казнить его и еще десять человек.

– По-моему, вы все-таки зря так поступили.

– Интересно, – оживился штурмбаннфюрер, не так-то часто племянник спорил с ним. – Попробуй обосновать это свое утверждение с точки зрения формальной логики, – предложил он, разливая коньяк; поднес бокал к лицу и с наслаждением втянул в себя его аромат.

– Эти одиннадцать пленных были еще достаточно крепкими и могли поработать на благо великой Германии. У нас же есть план. Тысяча пар обуви на одного работника. А когда он вырабатывает свой ресурс, теряет силы, мы его направляем в крематорий. Они бы еще могли поработать, не исчерпали свой ресурс, – подытожил Фридрих, – а вы отправили их на виселицу. Нерационально.

Штурмбаннфюрер криво усмехнулся.

– Вроде бы с точки зрения формальной логики – ты прав. Но умение обращаться с человеческим материалом – это искусство. А в искусстве не все поддается логике. Публичная казнь – это спектакль. Ни одна шекспировская трагедия не сравнится с ним по силе воздействия.

– Однако сегодня спектакль пошел не так, как мы хотели. Этот русский сыграл свою роль, которой в пьесе для него вы не предусмотрели. Он поднял дух других пленных, хотя мы рассчитывали убить в них волю к сопротивлению... – Фридрих хотел развить мысль, но дядя перебил его.

– Ты считаешь, что я излишне жесток к рабочей скотине? – Комендант поднялся, взял со своего письменного стола фотографию в деревянной рамке и поставил на журнальный столик так, чтобы ее могли одновременно видеть и он сам, и племянник.

С черно-белого снимка на коменданта и лагерного врача, белозубо улыбаясь, смотрел молодой ариец в форме танкиста.

– Последние годы вы не виделись. Но ты должен хорошо помнить моего Эрнста.

Фридрих кивнул.

– Да, мальчишками мы часто гостили у деда под Мюнстером. Гоняли голубей, ловили рыбу.

– Эрнст, как и я, любил играть на скрипке. Вот только ему больше нравился Шуман, а не Шуберт. Он даже на фронт пошел со скрипкой. Служил танкистом и пропал без вести под Сталинградом. Даже не знаю, жив ли он теперь? Возможно, попал в плен. Как думаешь – с ним обращаются лучше? – не поднимаясь из кресла, комендант указал рукой на окно. – А ведь Эрнст – тонкая натура, ценитель музыки, литературы, философии. Ему значительно труднее переживать лишения, чем этим скотам. Вот ты, дорогой мой Фридрих, упрекнул меня, будто бы я сам, не желая того, дал возможность одному из осужденных поднять дух своих сородичей. И упрекнул совершенно зря. Животным невозможно поднять дух. Перестань видеть в них людей. Это недочеловеки. Тебя вводят в заблуждение христианские догмы. Не у каждого человека есть бессмертная душа. У нас, арийцев, есть. А у них нет. А если и есть души, то маленькие и смертные. И ты сейчас в этом убедишься. – Поджарый комендант пружинисто поднялся, распахнул гардероб и вытащил с верхней полки засохшую формовую буханку лагерного хлеба. – Пошли, Фридрих, развлечемся.

Доктор еле поспевал за комендантом. Тот широко шагал, пересекая плац по диагонали. Возле эшафота он остановился, посмотрел на сооружение и повешенных так, словно разглядывал произведение искусства. Фридриху показалось, что висевший крайним Николай Зубков хитро улыбается. Он потряс головой, отгоняя это видение. Штурмбаннфюрер двинулся дальше. Он остановился в паре шагов от колючей проволоки, огораживающей площадку возле барака, и, прищурившись, смотрел на пленных, сидевших, лежавших на голой земле. Буханку черствого хлеба он пока держал за спиной. Охранник вопросительно смотрел на коменданта, ожидая его указаний, готовый в любой момент поднять и построить пленных.

Вильгельм Гросс поднес высохшую до состояния камня буханку к лицу и сделал вид, что нюхает, наслаждаясь ее запахом. Пленные пришли в движение. Люди поднимались, подходили к колючей проволоке, голодными глазами смотрели на хлеб.

– Видишь, у них только условные рефлексы и действуют. Это животные реагируют исключительно на голод, жажду и боль. Даже классическая музыка сегодня их не проняла. А если и великий Вагнер бессилён, то это уже диагноз.

Вдоволь подразнив пленных, комендант широко размахнулся и бросил буханку так, словно собирался отправить ее на самое небо. Описав высокую параболу, буханка ударилась о землю и раскололась на три части. Подпрыгнувший пленный, попытавшийся словить ее в полете, промахнулся. Буханка лишь чиркнула по его руке. Но упал он уже не на землю, а на своих товарищей, которые с криками и рычанием дрались, отбирая друг у друга рассыпающийся в сухие крошки хлеб. Тела сплелись в тугой клубок. Те, кому не повезло попасть внутрь его, отгаскивали товарищей по несчастью, били их ногами, тоже пытаясь добраться до хлеба.

Фридрих с содроганием смотрел, как двое пленных пытаются разжать рот третьему и вырвать у него из зубов кусок черствого хлеба. Тот кусал им пальцы в кровь. Апатичные, еле передвигающиеся до этого люди мгновенно озверели. Били, кусали, топтали подобных себе ногами.

Вспышка агрессии медленно затихала. Исчезла искра, вызвавшая ее. Хлеб оказался съеден. Пленные расходились, расползались. На месте, где делили добычу, осталось лежать два неподвижных тела. Между ними на четвереньках ползал немолодой мужчина в порванной одежде. Он даже не замечал, что у него в кровь разбита губа. Обезумевший, он хватал пригоршнями пыль и ел ее.

– Вот видишь, Фридрих, а ты что-то вообразил себе о поднятом духе. Где этот поднятый дух? Куда он испарился? Они как были скотами, так и остались. А то, что казненные еще могли

поработать на благо великой Германии, об этом не переживай. Русские свиньи плодовитые. Нам новых пришлют.

Фридриху хотелось заметить дяде, что все же двое советских военнопленных офицеров не бросились на хлеб, не стали драться из-за него со своими товарищами. Они, как сидели на земле в противоположных углах проволочной выгородки, так и остались сидеть, безглаголиво глядя на дерущихся. Но доктор Калу промолчал. Его замечание испортило бы целостную картину мира, умело срежиссированную и красочно обрисованную комендантом лагеря.

* * *

Бывший летчик Михаил Прохоров с ненавистью смотрел вслед удаляющимся коменданту и медику. Он даже не шелохнулся, когда буханка перелетела через колючку. Возможно, в другой день и он, измученный многомесячным голодом, соблазнился бы возможностью заполучить несколько хлебных крошек. Но ему в память врезался поступок Николая Зубкова, еще раз доказавший, что свободным человеком можно оставаться в любых обстоятельствах.

Михаил Прохоров был не одинок. Еще один военнопленный не двинулся с места, не подыграл коменданту в его жутковатом развлечении. Немолодой мужчина с редкими седыми волосами тоже остался сидеть на земле, не принимая участия в драке...

Когда пленные уже разбрелись, Михаил поднялся, подошел к сидевшему мужчине и опустился рядом с ним.

– Ты чего со всеми не бросился, сытый, что ли? – спросил Прохоров.

– Не хочу под немецкую дудку плясать, – с кривой улыбкой ответил сосед.

– А Зубков им сегодня показал. У коменданта даже морду перекривило. Вот и злобствует. Обвел он их вокруг пальца. Сам из плена ушел. Можно сказать, сбежал.

– Сильный мужчина, – согласился собеседник и наконец-то повернулся к Михаилу. – Тебя как зовут?

Новые знакомства в лагере завязывают неохотно. К тем, кто набивается в друзья, – относятся настороженно. Залезет человек к тебе в душу, а потом и донесет на тебя. «Шестерок» в офлаге хватало.

– Михаил Прохоров, – представился пленный.

– Ну, а по званию кто? Где служил?

– Старлей, летчик я.

– Неплохо. Призывался откуда?

– Я кадровый. А тебя как зовут? – решил пока не открывать все свои карты Михаил.

– Илья Филатов, младший лейтенант, – назвал себя немолодой мужчина, протягивая Прохорову руку. – До войны штатским был. В ДОСААФе работал, инструктором на парашютной вышке. Ну а на фронте в полковую разведку попал. Значит, ты меня по званию выше. Хоть по возрасту и моложе...

– Здесь, в лагере, это ничего не значит.

– Ну, не скажи. Звание оно и есть звание. Нас с тобой его никто не лишал. Как думаешь, Николай Зубков и в самом деле побег готовил или это все про него немцы придумали? Подкопа же так и не нашли.

– Здесь каждый о побеге думает, если хочет человеком оставаться. Только с такой мечтой и можно продержаться. А если смиришься с тем, что вокруг тебя творится, быстро до уровня животного снизойдешь, – высказал свою жизненную позицию Прохоров.

– Не спеши других судить, – предостерег молодого товарища Илья Филатов, – тогда и тебя судить не станут. У каждого свой способ выживания. Кто-то готов за лишний кусок хлеба товарищу горло перегрызть. Кто-то в «шестерки» подался. А кто и в охрану дубинкой махать. Все жить хотят. А осуждать никого не надо. Было бы сейчас мирное время, жили б они с

семьями в своих городах, деревнях. Большинство б из них милыми людьми были бы, хорошими гражданами. Это обстоятельства из них зверей и предателей делают. Жили бы они не тужили, даже не подозревали бы, на какие гнусности способны.

– Обстоятельства не только предателей делают, но и героев. Все от человека зависит. Ты же, Илья, не такой.

– Надеюсь. Но всегда есть черта, за которой человек ломается.

– А вот Николай Зубков не сломался.

– Правда, не сломался. Но только зря он Сталина помянул. Не стоит усатый этого, – не глядя на Михаила, проговорил Илья.

– Как это не стоит? Он же главнокомандующий, вождь, – возмутился Прохоров.

– Молод ты еще. При коммунистах вырос. А я до революции родился. Из-за таких вот вождей война и началась. Не зря же и Гитлера фюрером, то есть вождем называют. Хотя Зубкова я понять могу. Это он нацистов хотел уколоть. Вот и крикнул про Сталина. А ведь это именно Иосиф Виссарионович сказал, что каждый пленный – предатель Родины. Выходит, Зубков – предатель? Вот ты себя предателем считаешь?

Странное дело, но подобная контрреволюционная пропаганда, прозвучавшая из уст Фролова, только расположила Прохорова к нему. Человек просто открыто высказывал свои взгляды. Не боялся, да и Гитлера не хвалил. Значит, оставался честным перед самим собой, и на него можно было положиться.

– А ты, Илья, тоже о побеге мечтаешь? – спросил Прохоров.

– Мечтать не вредно. Только как ты отсюда убежишь? – Фролов скользнул взглядом по колючей проволоке. – Три ряда ограждений, по одному из них ток высокого напряжения пропущен, только притронешься – сразу смерть. Тебя здесь еще не было, а я видел. Один отчаянный прямо на эту проволоку и бросился. Только дым пошел. Его тело обугленное еще три дня у колючки стояло. Прожектора ночью. Вышки с автоматчиками. Отсюда не уйдешь. Только дымом из крематория или так, как Зубков.

– А если подкоп?

– Я тоже думал. Но прикинь, здесь больше года протянуть невозможно. У немцев так специально рассчитано. Высосут все силы, а потом в расход пустят. Пока копать будешь, не успеешь до конца дойти, тебя раньше оприходуют. Даже если и удастся каким-то образом по ту сторону колючки оказаться, то шансов у тебя никаких. Беглецов три дня и три ночи тысяча эсэсовцев с овчарками ищет. Никому отсюда еще убежать не удалось. Да и местные советских пленным не жалуют. Помнят тридцать девятый... Считают, что мы с Гитлером были заодно...

– Глупость... Это СССР под свою защиту западных белорусов и украинцев взял, – тут же возразил Прохоров.

– Так в газетах писали. Может, еще скажешь, что немецко-советского парада в Бресте не было? Когда наши генералы гитлеровцам руки жали и честь отдавали? Ладно, не политинформация у нас сегодня с тобой. Я тебя спросил, а ты не ответил. Ты предателем себя считаешь из-за того, что в плену оказался?

Михаил Прохоров ответил не сразу. Поскреб небритую щеку, а затем произнес:

– Нет, не предатель я.

– А как тогда в плену оказался? Ведь красноармеец, а тем более офицер, должен драться до последней капли крови. Или тебя раненым захватили, когда ты сознание потерял? Многие такие истории рассказывают.

– При памяти я был. Только никого не предавал. Глупо все получилось. Я на «Дугласе» летал. Мы с подмосковного аэродрома в тыл немцам по ночам рейсы делали. Белорусским партизанам оружие, медикаменты, боеприпасы, инструкторов доставляли. Ну а оттуда детей, раненых эвакуировали.

– Нужное дело. Ночью сложно летать?

– Почти вслепую идешь. Радиопереговоры строжайше запрещены.

– А садились как?

– На лесной аэродром. Партизаны костры разведут, вот тебе и полоса обозначена. Ее сверху только и видно. Сели мы, как обычно, а оказалось, что это немцы ложную полосу обозначили. Мы только тогда спохватились, когда они уже в грузовом отсеке оказались. Об одном жалею, что не успел самолет подорвать. А ведь у нас на борту и взрывчатка, и гранаты были. Легко сказать – до последней капли крови сражаться. Я всю обойму расстрелял. Но навалились, скрутили. Что я мог сделать?

– Да, глупо получилось, – согласился Филатов. – Ты не герой, но и не предатель. И я глупо в плен попал. Послал нас командир полка «языка» добыть. Я немецкий знаю. Под Энгельсом жил, там, где немецкая автономия. У нас в колхозе почти одни немцы были. Работящие, хозяйственные. Ты бы видел, какие у них коровы, только что одеколоном не пахнут... Не одного «языка», а целых двух взяли. А когда возвращались, с дороги сошли, заблудились. Вижу, огоньки, техника. Мы туда, через березовую рощу. Только когда близко подошли, сообразили, что это не наши, а немецкие позиции. Фронт на месте не стоит. Фрицы метрах в двадцати. А мы в лесочке, «языки» с нами. Капитан, чтоб фриц нас криком не выдал, своему «языку» ножиком горло сразу без лишних слов и перерезал. А я своего пожалел. Молодой немчик был, совсем зеленый. Вот только, оказывается, зря. Из-за моей жалости нас в плен и захватили. Прикажи мне капитан его сразу убить, я б... А командир сказал – сам думай. Вот и думаю до сих пор, предатель я или кто? Простота, она иногда воровства хуже, – Филатов полез в карман, вытащил обрывок бумаги и тряпицу, завязанную узелком...

– Табак, что ли? – удивился Прохоров.

– Табак не табак, а курить можно. Главное, что дым идет. Я же в деревне рос. Отец у меня сильно в травах разбирался. От всех болезней лечил. – Филатов аккуратно разорвал бумагу пополам, развязал узелок и насыпал мелкую сушеную траву.

– А что за трава, которую вместо табака курить можно?

– Секрет, – то ли всерьез, то ли в шутку ответил Филатов, но травы так и не назвал.

Мужчины скрутили самокрутки. Михаил достал спички – в потертом коробке их было всего две штуки.

– Я первый прикурю. Жалко будет, если ветром задует.

– Не шикуй. Спрячь свое добро, – Илья достал из кармана небольшую потертую линзу, навел ее на солнце, сфокусировал пятнышко на конце самокрутки.

Вскоре поднялся дымок. Филатов пару раз затянулся и дал прикурить от самокрутки Михаилу.

– Одно плохо – ночью не прикуришь, – усмехнулся Илья. – Лагерная жизнь чему хочешь научит. Тут и шилом бриться научишься.

Михаил затягивался дымом, вкусом он немного напоминал табачный, хотя чувствовалось, что не крепкий, даже в горле не першило, но обмануть себя было можно.

– Меня держись, – сказал Филатов. – У меня всегда курево есть. Мне не жалко, поделюсь.

На плацу появился словак Водичка. Парикмахер торопливо шел со своим саквояжем, опасно покосился на виселицу, приостановился, несколько раз часто перекрестился и подошел к охраннику. О чем-то недолго с ним поговорил, после чего тот разрешил подойти ему к проволоке.

– Эй, – махнул рукой он Михаилу, – тут тебе передать просили.

Ничего не понимавший Прохоров подошел к Водичке, с которым был знаком постольку-постольку. Пару раз ремонтировал ему ботинки...

– Держи, – парикмахер подал сквозь колючую проволоку, стараясь, чтобы этого не видел охранник, сверток. – Только сейчас не разворачивай. Зубков перед казнью просил тебе передать. Это жилетка, теплая. Покойный извинялся, что дырка в подкладке. Сказал, зашить

все хотел, да не успел. Мол, передай Прохорову, чтоб обо мне помнил и дырку обязательно зашил. – Водичка через плечо покосился на виселицу, словно висевший в петле Зубков мог подтвердить его слова.

– Спасибо, – принял подарок покойника Михаил.

– Не мне спасибо, а ему. Я только последнюю просьбу выполнил. Да, кстати, – тихо заговорил словак, – тут на днях будут подбирать тех, кто в мастерской по изготовлению и ремонту инструмента работать станет. Там же теперь никого не осталось, всех повесили. Если есть, чем заплатить, могу устроить.

– А чем я заплачу? – развел руками Прохоров. – Разве что жилеткой подаренной. Да и та дырявая. Кому она из администрации нужна?

– Ладно, может, что-нибудь и придумаешь. Жизнь, она всегда сюрпризы преподносит. А безвыходных положений не бывает. Всегда что-то образуется. Ну, я пошел.

Михаил неторопливо двинулся к Фролову. Подарок от покойника был абсолютно неожиданным. С Зубковым они в одной части не служили, да и в лагере особо близки не были. Лишь как-то один раз разговорились. И разговор этот был о побеге. Не то чтобы конкретно что-то замыслили, договаривались, а просто рассуждали, вот как и сейчас с Ильей. Что, мол, без мечты вырваться отсюда, оказаться на воле, в лагере долго не продержишься.

И тут же в памяти всплыло то, как Николай Зубков, идя к виселице, глянул Прохорову в глаза и сделал вид, что закладывает большие пальцы под невидимую жилетку, словно в пляс собирался пуститься.

– Вот, подарок получил от покойничка. – Михаил устроился рядом с Ильей.

У обитателей лагеря вещей самый минимум. Тут все имеет свою ценность, все найдет применение. Старой поношенной жилетке по справедливости уже давно было нужно оказаться на помойке.

– Хорошая, теплая, – оценил подарок Фролов, перебирая пальцами материю. – Сукно толстое. Наверное, ее раньше важный господин носил. Видишь, как аккуратно петли обметаны и пуговицы...

– Только дырявая, – развернул жилетку Прохоров и показал на большую дырку в атласной подкладке. – Ну, да ничего. Завтра в мастерской дратвой и зашью, раз Зубков так хотел.

– Слушай, может, тебе Зубков что-то в ней передал? – зашептал Илья.

Рука Михаила тут же скользнула в дырку, но сколько ни искал, ничего под подкладкой он не обнаружил.

– Не по сезону подарок. Лето на носу. А до холодов еще неизвестно, доживем ли?

– Примерь.

Прохоров надел жилетку, та была ему великовата. Прежний, еще до Зубкова, владелец наверняка был с животом, а на лагерных харчах худеешь быстро.

– Не вывалишься, – похвалил обновку Фролов, а потом прищурился. – Чего это вдруг Зубков тебе решил такой подарок сделать?

– Ему она теперь ни к чему.

– Но почему о тебе вспомнил?

– Поди, у него спроси.

Мужчины замолчали, не сговариваясь, перевели взгляды на виселицу.

Вечером после переключки и отбоя Михаил лег спать в той самой жилетке. Если раньше, несмотря на усталость, засыпал долго, то теперь, согревшись, провалился в сон почти мгновенно. Снилось ему, словно плывет он по реке, не то на корабле, не то на пароме. Берег отделяется, на причале Зубков в белых штанах, рубашке машет ему рукой, а рядом, опершись о поручни стоит, насупившись, Фролов.

К чему был тот сон, он так и не понял.

Глава 3

Следующий день, как и обычно, начался с переключки. В офлаге она проводилась со всей тщательностью. Мало было просто откликнуться на свой номер, следовало выйти вперед шеренги. К тебе подбегал охранник из пленных, знавший тебя в лицо, и подтверждал. Такие переключки проводились не реже, чем трижды в день. Сразу после подъема, во время того, что в офлаге называлось «обедом», и перед самым отбоем. Но нередко случались и внеплановые переключки, комендант Гросс был просто помешан на идее, что кто-то может убежать из лагеря. Он страшно гордился тем, что у него еще никто не сумел выбраться за колючку. Любые попытки жестоко пресекались, оборачивались массовыми казнями.

В этот день всех, кого можно, на работу выгнали из цехов на улицу, на отгороженные возле барачных колючей проволокой площадки. Штурмбаннфюрер опасался волнений из-за вчерашней казни, пошедшей не по его сценарию. Все-таки он лукавил, доказывая племяннику, что поступок капитана Зубкова никак не подействовал на настроение пленных.

Ярко светило, пригревало майское солнце. Легкий ветер налетал со стороны Ченстоховы. В мареве проступал силуэт величественного костела, стоявшего на горе. Прохоров и Фролов устроились работать рядом. Илья смазывал уже вырезанные по шаблону слои толстой кожи клеем, складывал их, обстукивал их киянкой, уложив на сапожную «лапу», а затем накрепко сбивал тонкими деревянными гвоздиками, намечая отверстия тонким шилом. Готовые кожаные подметки Фролов раскладывал на солнце для просушки.

Михаил орудовал специальным шилом с заусенцем на самом конце, прошивал подметки по периметру дратвой. Вообще-то во время работы пленным запрещалось общаться, разве только по производственной необходимости. Но охрана смотрела на разговоры сквозь пальцы. Лишь бы не говорили громко и не широко открывали рты.

Фролов держал во рту пучок деревянных гвоздиков, неглубоко колот шилом толстую кожу и мастерски, с одного удара, загонял их молотком. А потому и говорил, почти не открывая рта.

– ...вот ты мне сказал, что не мог драться до последней капли крови, когда тебя в плен взяли. Мол, навалились, скрутили, и все такое прочее. Может, оно и так было. Кто теперь подтвердит?

– Тебе моего слова мало? – обиделся Михаил.

– Я не о том. У человека всегда выбор есть. Скажем, кто тебе мешает сейчас наброситься на охранника и убить его. Задушить можно или шилом пырнуть. Если каждый красноармеец хоть одного немца убил бы, война бы кончилась. А как передо мной оправдаешься?

– Конечно, вопрос ты мне, Илья, задал. Я бы мог, в свою очередь, спросить у тебя, почему сам так не делаешь? Но это неправильно. На вопрос вопросом отвечать нельзя.

– Резонно мыслишь, – усмехнулся Илья, густо размазывая кистью из толстой щетины клей по кожаной подошве.

– Если бы я знал, что каждый наш человек так поступит, не думал бы, не сомневался бы ни секунды. А попусту жизнь свою отдавать не хочется. Одна она. Да еще за собой десять пленных товарищей в петлю или на расстрел поташу, – Прохоров зло тянул дратву. – Думаешь, мне не мучительно сапоги тачать, в которых нацисты нашу землю топчут?

– Значит, ты надеешься отсюда выбраться и снова воевать, – подытожил Фролов. – Иначе твоя жизнь для Родины ничего уже не значит. От нее только вред один в настоящий момент.

– И ты надеешься.

– Как сказать. – Илья сгреб черенком кисточки застывший клей с края консервной банки, помял его пальцами, слепив небольшой кубик, и поставил сохнуть между готовыми подошвами, – на удивленный взгляд Прохорова пояснил: – Клей из костей варят. Тот же бульон. В ту

баланду, которую нам дают, кинешь, силы поддержать можно. Я и тебе советую, если подольше протянуть хочешь.

– Говорят, немцы этот клей иногда из человеческих костей варят, – проговорил Михаил.

– Враки. Из костей пленного много не сварить. Не наваристые они. Все соки жизненные лагерь забирает, ничего не остается. Я и тебе кубик слеплю, – Фролов покосился, не замечает ли его действий охранник с дубиной, прохаживающийся среди работающих, и принялся левой рукой лепить загустевший клей, а правой продолжал стучать молотком по подошве.

Прохоров понимал, что Илья прав. Пусть этот клей сварен из костей, но если он даст возможность выжить, то отказываться от такой возможности нельзя.

– Припекает, жарко, – Прохоров сбросил жилетку, хотел подложить ее под себя на табурет, но вновь его взгляд зацепился за широкую дырку в подкладке.

И хоть Михаил был атеистом, но все же считал, что предсмертные пожелания следует выполнять неукоснительно. К тому же сейчас в его руках имелось все необходимое – изогнутое шило с зазубриной и прочная дратва.

– Дело задумал, – глянув на то, как расправляет на колене вывернутую наизнанку жилетку Михаил, проговорил Филатов. – Зашьешь, будет как новая.

– На мой короткий век хватит, – попытался пошутить Прохоров.

Изогнутое шило пропорол атласную подкладку, но, когда потянулась дратва, материя разошлась. Еще одна попытка оказалась неудачной. Тонкий поношенный атлас оказался очень непрочным, потертым.

– Ничего не получится, – покачал головой Михаил. – Надо или заплатку ставить или... – он задумался.

Фролов прищурился.

– Толку от твоей подкладки почти никакой. Если бы под ней еще ватин был. А так – атлас, он не греет, а только холодит. Может, оторвать ее к чертовой матери?

– Зачем? – удивился Михаил.

– Зачем, зачем? – передразнил Михаила и хмыкнул Илья. – Портянку у меня украли. Третий день голой ногой в сапоге. Сопрела, в кровь стер.

– Чего ж ты сразу не сказал?

– Так жилетку тебе, а не мне подарили. Была б она моей, я бы сразу подкладкой по назначению распорядился бы. Нам с тобой в ней на танцы не ходить.

– Хорошему человеку не жалко.

Михаил взял в руки маленький острый ножичек, которым обрезал неровности на подошвах и стал спарывать подкладку.

– Держи, разведчик, – передал материю Фролову. – Не бархат, конечно...

Илья взмахнул споротой подкладкой, удивленно моргнул, тут же положил ее себе на ноги.

– Смотри, – прошептал он.

На материи виднелись криво и косо, торопливо написанные химическим карандашом слова и какая-то схема. Михаил почти беззвучно принялся озвучивать текст.

– «Товарищ, если ты это читаешь, то обнаружил мое послание. Мы готовили побег. Подкоп почти готов. Моих помощников уже нет в живых. Удачи вам. С коммунистическим приветом, капитан Зубков».

Прохоров с Фроловым даже стукнулись головами, так низко склонились над планом. Прерывистая, неровная линия, прочерченная химическим карандашом, читалась слабо, но в общих чертах план подкопа можно было понять. Он, несомненно, начинался в мастерских по изготовлению и ремонту скорняжного инструмента, проходил под плацем, а кончался неподалеку от колючки. Далее шел пунктир, показывавший еще неоконченный отрезок.

Открытие было настолько неожиданным, что Илья с Михаилом мгновенно позабыли обо всем жизненно важном на свете – где и почему они находятся.

– Значит, Зубков собирался-таки бежать, – выдохнул Михаил.

– И никого не сдал, – напомнил Илья. – Сильный человек. Да тут же за несколько дней можно управиться, – оценил он проделанную Зубковым с сообщниками работу.

Прохоров с Михаилом так увлеклись, что даже не заметили, как со спины к ним подошел охранник – один из пленных, вооруженный дубиной – лагерная «шестерка».

– Почему не работаем?! – крикнул он.

Прохоров хоть и был не робкого десятка, но растерялся. Ситуация сложилась критическая, стоило охраннику понять, что нарисовано на изнанке подкладки, или хотя бы просто заметить рисунок, то Прохорова с Фроловым отправили бы в расход без всякого сожаления. Причем не одних, их попутчиками на тот свет оказались бы еще двадцать заложников плюс словак Водичка, передавший Прохорову жилетку.

Михаил тут же схватил готовую подошву, принялся усердно ее шить. А вот Фролов не растерялся, повел себя мудро. Он не спешил возобновить работу, подхватил подкладку, потрянул ею в воздухе, сложил пополам текстом внутрь и выставил стоптанную ногу. А затем заговорил. И не по-русски, а по-немецки. Мол, не видишь, портянку украли, охранников много, а порядку нет. Товарищ и помог. Подкладки не пожалел...

Если бы Илья говорил по-русски, охранник бы, несомненно, самое малое, это огрел бы его дубиной по спине. Но немецкая речь, к тому же беглая, подействовала на него гипнотическим образом, парализовала волю. Ведь немецкий язык он слышал только от своих всевластных хозяев. К тому же немец-часовой, заслышав родную речь за колючкой, тут же повернул голову, прислушался. И охранник посчитал за лучшее не проявлять самостоятельности, не зверствовать.

– Работать, – бросил он недовольно.

Фролов неторопливо стал обматывать ногу подкладкой, сунул ее в сапог.

– Арбайт махт фрай, – подтвердил Фролов, мол, работа делает свободным, затем добавил шепотом: – А теперь, Миша, ни разговоров не ведем, ни портянку мою не достаем. И так чуть себя не выдали. Бдительность и секретность, вот что нам теперь надо.

– Портянка, кстати, моя, – напомнил Михаил.

– Вот ты как, – поджал губы Илья, засовывая в них пучок деревянных гвоздиков. – Может, ты решил планом Зубкова по-своему распорядиться? Ну, что ж, занеси его немцам, сдай подкоп. Мол, ты ничего про него не знал. Один только Водичка на расстрел пойдет. А тебя простят, может, охранником предложат сделаться. Они стукачей любят.

Фролов хоть и предупреждал, что больше не стоит говорить вслух, но так разошелся, что даже стал жестикулировать. Охранник с дубиной развернулся и посмотрел в его сторону.

– Работай и молчи, – предупредил Михаил, дырявя шилом подметку.

Илья внял предупреждению, застучал молотком, забыв о разногласиях. Наступило время обеда. Поскольку офлаг, по сути, являлся коммерческим предприятием, то трудовой распорядок тут соблюдали четко, с немецкой пунктуальностью. Из громкоговорителей, укрепленных на прожекторных столбах и вышках охраны, зазвучала бравурная военная музыка. Узники выстроились в очередь у крыльца кухни. Двое пленных раздавали баланду, посудой служили пустые консервные банки. Те, кто работал на кухне, выгодно отличались сытостью от других узников...

Обычно при дележке пищи и возникали конфликты. Пленных вечно мучил голод, а потому им казалось, что порцию не докладывают. Хотя чего можно не доложить, когда разливаешь баланду, в которой на литр жидкости плавают пара гнилых листьев капусты да тонкая ленточка картофельного очистка. Если мало, можешь смело разбавить водой, калорийность от этого ни больше, ни меньше не станет. Хлеб тоже выдавали в обед одним куском на весь день. Правда, хлебом это можно было назвать лишь условно. Единственное, что было в нем от

буханки, – это форма кирпичика. Содержание мог бы пояснить исключительно пекарь, умудрявшийся спечь его из отрубей, опилок и жмыхов.

Фролов не стал спорить, доказывать, что баландер плеснул ему из черпака лишь половину консервной банки.

– Главное, что супчик горячий, – пояснил он Михаилу.

– Теперь его клеем заправим? Бульон сделаем?

– Можно и клеем, – согласился Илья, но тут же остановил Прохорова, когда тот захотел бросить в горячую баланду прихваченный с рабочего места подсохший кубик. – Кипяток лучше свежим клеем приправить, а кубик на потом оставь.

Михаил не стал спрашивать, почему надо сделать именно так. Запас еды в лагере вещь необходимая. Осторожно присев, возле сапожной лапы, Илья сделал вид, что поправляет просыхающие подошвы, и прикрыл собой Михаила, который зачерпнул клей кончиком ножа и бросил его в консервные банки.

– Идем, пока не остыло, – зашептал Илья. – Нам теперь силы нужны.

И тут Михаил не стал спорить, чувствовалось, что Фролов говорит не просто так, а у него есть четкая цель.

Илья подвел Прохорова к самому краю площадки, тут в уголке была влажная земля, росла зелень. Когда шел дождь, тут всегда стояли лужи.

– Смотри и учись, – предложил бывший полковой разведчик.

Он принялся руками разрывать землю, поднимать пласты дерна. Чувствовалось, что копался он тут уже не первый раз. Илья ухватил за хвост толстого дождевого червяка, обтер его пальцами и быстро забросил в консервную банку Михаилу. Розовый червяк успел пару раз дернуться, сделался непрозрачным, матовым и затих.

– Главное, чтобы вода была еще горячей. Они быстро свариваются. Сырых лучше не есть.

– Их едят?

– В лагере все сгодится в пищу. Они лучше мяса. Один хороший человек научил. В разведку иногда на неделю уходишь. Вот тогда и начинаешь лягушек есть, змей жарить, корешки грызть. Я бы тоже с большим удовольствием в супе мозговую косточку нашел бы, а не червяка. Но в предложенных обстоятельствах и это не худший вариант. К тому же у тебя организм молодой, он белка много требует.

Напоследок Илья нарвал листья одуванчиков, бросил их в баланду.

– Вот и зеленью украсил, не в каждой столовой так подают.

Пленные сели на землю. Илья стащил сапоги, расстелил на земле портянку, положил на нее кусок хлеба.

– Пусть сохнет. И ты свой подсуши.

Вторую – атласную – портянку расстелили рядом.

– Второй раз такого подарка нам не представится, – произнес Фролов. – Если бежать, то только через подкоп Зубкова.

– Согласен.

– Вот только одна незадача, – нахмурился Фролов. – Подкоп начинается в инструментальных мастерских, – он кивнул, указывая на барак, находившийся по другую сторону плаца. – А туда еще попасть надо. Вот только как?

– Там сейчас некому работать, – напомнил Прохоров. – Повесили всех. Так что можно попробовать устроиться...

– И за какие такие заслуги тебя туда возьмут? – усмехнулся Фролов. – Не доносил, не сотрудничал, в гитлеровской агитации не участвовал. С такими записями в твоей учетной карточке прямая дорога только в крематорий обеспечена. Как и у меня, впрочем.

– Есть один вариант, – признался Михаил. – Водичка мне сказал, что если заплатить, то перейти в мастерскую можно.

– Деньги, что ли?

– Наверное, деньги. В конечном счете, немец решает, кому там работать. А Водичка с ними просто поделится. Ему переговорить левое дело, брить-стричь придет, заведет разговор и все уладит. Было бы чем платить. Но денег у нас нет и быть не может по определению, так что давай другой вариант думать. А что, если прокопать ход до подкопа Зубкова из нашего барака?

– Дурное дело. У нас стукачей хватает, сразу же заложат, да и копать придется несколько месяцев. Куда грунт выносить, чтобы не заметили? Зубков вон какой осторожный был, а и того раскрыли. Выучил план? Все, теперь пусть портянкой побудет, пару дней поношу, весь химический карандаш расплывется, – Илья замотал ноги, засунул их в стоптанные сапоги. – Твердо решил бежать?

– Тверже некуда, – подтвердил Михаил, глядя на плац.

Теперь он даже не замечал страшной виселицы, висевшей посередине, ему казалось, что взгляд его уподобился рентгеновским лучам, проникает под землю, где змеится подкоп, подходя почти к самой колючке. Пару раз копни, и окажешься на свободе.

– Поклянись?

– Чем хочешь?

– Ну, слово коммуниста дай.

– Беспартийный я. Два раза заявление писал, но не приняли...

– Жизнью матери клянись.

– Не знаю, жива ли. На оккупированной территории осталась.

– Ну и жизнь пошла. Черт с ними, с клятвами. Человек ты честный, это я сразу понял, не предашь сразу, даже если прижмут. Двум смертям не бывать. Только с этого момента больше никому ни одного слова... Только мы с тобой. Ясно? Чем нас меньше, тем больше шансов уйти. По рукам?

– По рукам.

Мужчины обменялись рукопожатием.

– Есть у меня кое-что лучше их вонючих рейхсмарок, – глядя на солнце, заулыбался Фролов. – Золото. Смотри, – он запрокинул голову и раскрыл рот.

В глубине тускло поблескивал желтым зубопротезный мост на четыре зуба.

– Как его немцы не заметили? – больше всего удивился Прохоров именно этому обстоятельству.

– Передние зубы у меня хорошие, вот они дальше в рот мне и не полезли, – продолжал улыбаться Фролов. – А коренные справа мне в драке выбили еще до войны. Сынок одного начальника к девушкам в парке приставал, я и вступился, а у него кастет в кармане. Саданул с размаху, пока я понял, что к чему. Папаша, хоть и начальник большой, надо отдать ему должное, сам ко мне в больницу пришел. За сына извинился, помочь пообещал, лишь бы я его отпрыска не посадил. Вот и помог, заплатил дантисту. А тот немцем был, все аккуратно сделал, как для себя. Шестой год стоит и не шатается. Тут все равно жрать нечего. Вырвешь?

– Пассатижи нужны. Да и не умею я.

– Кому еще можно довериться? Только я и ты, – напомнил об уговоре Илья. – Все приходится делать в жизни впервые.

Время перерыва на обед подходило к концу, а потому приходилось спешить. Илья сделал вид, что просто прилег отдохнуть на землю, Прохоров устроился рядом. Он ковырялся у Филатова шилом во рту. Кончик шила постоянно соскальзывал с металлической скобы, на которой держался мост.

– Там крови уже набежало, ничего не видно. Сплюнь, – предложил начинающий «стоматолог».

Фролов сел, сплюнул кровью, засунул два пальца в рот.

– Шатается, – одобрительно отозвался он о работе Михаила.

– Старался. Да не очень хорошо получилось.

– Почему же? – Илья еще раз сплюнул, поднатужился, крикнул, дернул пальцами и медленно вытащил изо рта вырванный мост, вытер его от крови о штаны и вложил в ладонь Прохорову. – Смотри, чтобы твой Водичка нас не пробросил.

С золотым мостом управились вовремя, время перерыва вышло, пленных вновь погнали на работу.

– Тяжелый, сколько граммов потянет? – засунув руку в карман, поинтересовался Михаил.

– Дантист говорил, что двенадцать. А так не знаю. Может, и обманул.

Парикмахера удалось отловить только ближе к вечеру, когда он возвращался от коменданта. Тот имел привычку бриться не с утра, а перед сном – любил поспать. Словак сидел на корточках и, держа золотой протез в не до конца сжатом кулаке, рассматривал его.

– Должно получиться, – наконец сказал он, даже не сделав попытки поинтересоваться, откуда вдруг взялось такое богатство.

Находясь в лагере, лучше меньше знать...

– Так не пойдет, – предупредил Прохоров, делая вид, что собирается забрать золото назад.

– погоди, пообещать точно я не могу. Не я же делю рабочие места. А как мне без золота об этом говорить?

Прохоров чувствовал, что Водичка, подержав зубной протез в руке, уже почувствовал его своей собственностью, а потому не хочет с ним расставаться.

– Я не только тебя могу попросить об услуге. Это же золото. Другие найдутся...

– Я все понимаю, – Словак зажмурился от накотивших на него чувств. – Но я говорил о месте для тебя. А ты еще просишь за Фролова. Зачем он тебе?

– Или мы вместе попадаем туда, или никто из нас, – сказал как обрезал Прохоров.

– Хорошо, договорились, – наконец-то сдался Водичка. – Только мне придется одному пленному отказать, хоть я ему и пообещал, – как бы переключивая ответственность на Михаила, сообщил Франтишек.

Прохоров сжал зубы, в душе он стал противен себе. Один из таких же пленников, как и он, тоже желал выжить, оторвал что-то нужное для себя, последнее заплатил, чтобы попасть в мастерскую с лучшими условиями. И вот теперь он, Михаил, забирает у него этот шанс на будущее только потому, что волею судьбы у него в руках оказался кусочек золотого лома. А может, тот пленный тоже узнал о подкопе, потому и стремится оказаться на новом месте, чтобы воспользоваться им, совершить побег? Ведь неизвестно, одно или несколько предсмертных посланий отправил капитан.

– По рукам? – вспомнил сегодняшнюю фразу Фролова Прохоров, заноса ладонь.

– По рукам, – согласился словак, подставляя кулак, в котором сжимал золото. – Только есть у меня одна просьба.

– Какая еще? – насторожился Михаил.

– Разделить кусок надо. Если такой покажу, он его весь заберет. Должен же и я что-то получить как посредник.

Кто такой этот «он», Водичка не уточнил, да и Прохоров по лагерной привычке не поинтересовался. Узники называют имена только тогда, если это никому не повредит...

– Как делить?

– На три зуба и один. Вот этот отрежь, – словак указал на самый большой.

Благо сапожная лапа, за которой работал Фролов, еще стояла на улице. Михаил нагнулся над ней, приставил к мосту нож и несколько раз несильно ударил по его ребру киянкой. Острое лезвие легко прошло сквозь золото. Прохоров специально старался отсечь один зуб так, чтобы Водичке досталось побольше металла. Все-таки словак сильно рисковал из-за него с Фроловым.

– Держи, – вложил в ладонь парикмахера рассеченный на две части мост Михаил. – И не дай бог, ты потом скажешь, что у тебя ничего не получилось. Тогда тебе не жить, – пригрозил Прохоров словаку.

Тот грустно усмехнулся в ответ. Мол, смерть в лагере для пленных вещь обычная и каждодневная, ею тут никого сильно не напугаешь, она и так днем и ночью здесь по пятам за всеми ходит.

Уже вечером после переключки Водичка подкараулил Прохорова и шепнул ему, что все в порядке. Таинственный «он» золото взял, и место в инструментальной мастерской ему с Фроловым обеспечено.

– Завтра можете перебираться, – радостно сообщил словак.

Если бы у Михаила имелось еще что-то ценное, он бы, не задумываясь, отдал бы его Франтишеку, а так только крепко пожал руку.

– Спасибо, товарищ.

– Мы должны помогать друг другу, – расчувствовавшись, прошептал словак.

Глава 4

С каким нетерпением Прохоров на завтра ожидал того момента, когда ему официально сообщат о переводе на другую работу! Он чуть дождался перерыва на обед, а никто пока не спешил с сообщением. Время тянулось и тянулось, Михаил нервничал. Наконец возле барака появился немец из охраны и, ничего не объясняя, приказал Прохорову с Фроловым собирать свои вещи. У пленных в лагере есть внутреннее чутье, они безошибочно чувствуют – на смерть забирают людей или же переводят на другую работу. Куда направятся Михаил с Ильей, нетрудно было догадаться. На них смотрели с завистью, когда Прохоров и Фролов выходили из барака, неся в руках ящики со своими скромными пожитками. Михаил избегал смотреть в глаза тем, с кем успел пожить и поработать рядом, чувствовал себя предателем.

Барак инструментальной мастерской показался им райским местом. Поскольку всех живших в нем казнили, то никто не растащил их имущества. Вещи после обыска в беспорядке валялись на земляном полу. Зато тут на нарах имелись занавески. Так что у каждого пленного, можно сказать, имелся свой персональный уголок. Пока еще Михаил и Илья являлись первыми счастливыми, получившими здесь место. Можно было прибрать к рукам самое ценное. Но сейчас сильнее всего Прохорову хотелось очутиться в самой мастерской.

– Можно пройти? – спросил он у приведшего их в барак немца, показывая на дверь, ведущую в мастерскую.

– Поработать спешит, – улыбнулся Фролов.

Конвоир разрешил, открыл дверь ключом. И в мастерской царил беспорядок. Те, кто проводил обыск, пытаясь обнаружить подкоп, сильно старались, даже верстаки сдвинули с мест, разбросали заготовки. Прохоров стал собирать инструмент, складывать его на верстаки.

– Орднунг, гут, – заулыбался немец.

Михаил с Фроловым наводили порядок, но при этом косились на заветный пожарный ящик с песком, стоявший у стены. Ведь, согласно плану, нарисованному на подкладке, именно под ним и начинался подкоп. Прохоров удивлялся догадливости и смекалке покойного капитана Зубкова. Немцы при обыске перевернули вверх дном все и в бараке, и в мастерской, но так и не догадались разгрузить от песка и сдвинуть ящик.

– Не пялься так, заметит, – шепотом предупредил Михаила Илья.

Прохоров распрямился, стал растирать себе спину, при этом он смотрел на пожарный щит, висевший над ящиком. В нем за дверцей из проволочной сетки находились лопата, багор, ведро, топор, густо выкрашенные красной краской. Дверца была опломбирована.

– Пожар – фойар? – спросил Михаил у немца.

Тот кивнул в ответ, мол, пломбу можно срывать только в случае пожара, закурил и вышел в барак.

– Да тут и лопата есть, – возбужденно зашептал Прохоров. – Можно проволоку разрезать и каждое утро пломбу на место вешать.

– И не думай, – тут же отозвался Фролов. – Зубков пожарный щит не трогал. Тут железяк хватает. Если лопатой копать начнем, с нее краска вмиг слезет. Выдадим себя.

– И то правда, – согласился Михаил.

– Главное, не спешить. Мы же не одни здесь будем, к людям надо присмотреться, понять, на кого и положиться можно.

К вечеру в мастерской и бараке был наведен идеальный порядок. Других работников так и не привели. Наверняка пока еще шел торг, кто из пленных сможет предложить больше за перевод на новую работу.

Когда Фролов с Прохоровым вернулись после переключки в барак, то дверь, ведущая в мастерскую, уже оказалась закрыта на ключ.

– Замок врезной, – Илья сидел на корточках и заглядывал в замочную скважину.

Прожектор за окнами то и дело вспыхивал, ударял в пыльные стекла.

– Я проволоку в мастерской прихватил, – Михаил вытащил из сапога обрезок толстой проволоки.

– На взломщика я не учился, но пару раз видел, как это делается, – пробормотал Фролов.

– Смотри, замок не сломай. Тогда немцы сразу обо всем догадаются.

– Попытаюсь.

Илья вернулся к нарам, засунул конец проволоки между досками и загнул его буквой Г, затем принялся ковыряться в замке.

– Есть, – наконец выдохнул он, отодвигая ригель.

Дверь скрипнула.

– Надо будет петли смазать, – проговорил Михаил, нетерпеливо проникая в мастерскую, и сразу же бросился к ящику с песком, откинул крышку.

Каждый раз, когда прожектор проходил по окнам, Фролов с Прохоровым инстинктивно пригибались. Пронзительно-яркий свет обливал стены. Пленные жестяным совком, в который днем сметали мусор, торопливо выгружали песок из ящика прямо на земляной пол.

– Так не пойдет, – наконец сообразил Фролов. – Потом его надо назад сыпать. Времени жалко. Тут где-то мешки были.

Теперь работа пошла быстрее. Илья черпал сухой песок, засыпал его в мешок, подставленный Прохоровым. Поднималась пыль, забивалась в нос. Нестерпимо хотелось чихать, но приходилось сдерживаться. В притихшем лагере любой звук разнесся бы далеко.

– Давай, попробуем сдвинуть, – предложил Прохоров, когда в ящике осталось песка на треть.

Михаил с Илей навалились, ноги проскальзывали по утопанному земляному полу. Наконец ящик поддался, оставляя после себя глубокие борозды, отошел в сторону. Если до этого у решившихся на побег не существовало сомнений в реальности существования подкопа, то теперь их ждало горькое разочарование.

– Почему так? – Прохоров смотрел на ровный земляной пол, который открылся его взгляду из-под сдвинутого в сторону пожарного ящика. – Неужели Зубков все придумал? Зачем это ему понадобилось?

Никаких следов подкопа не наблюдалось. Фролов с досадой сплюнул под ноги.

– Может, немцы нашли да засыпали? – упавшим голосом спросил он.

– Может, и так, – согласился Прохоров.

Теперь, когда исчезла надежда на скорый побег, жизнь показалась Михаилу безысходной, хоть в петлю лезь. Мужчины сели, прислонившись к ящику спинами.

– Курево у тебя еще есть? – вяло поинтересовался Михаил.

– Осталось, – Илья подал ему обрывок газеты с насыпанной в него сухой травой.

– Придется от спички прикуривать.

Прохоров чиркнул, прикрыл разрастающийся огонек ладонями, чтобы его не увидели через окно. Курили, глубоко затягиваясь. Фролов пускал дым ровными кольцами, они уходили к потолку и там исчезали в темноте между балками перекрытий. Говорить и даже думать не хотелось. Все надежды рухнули в одночасье.

– Вентиляция здесь хорошая, – наконец произнес Фролов. – Дым мигом вытягивает. И печка тут железная стоит. Зимой не замерзнем.

– К черту печку. Я тут до морозов сидеть не собираюсь, – Прохоров часто затягивался, будто куда-то спешил. – Ну, не оказалось тут подкопа. И что из этого? Руки есть, сами выкопаем. Правда, Илья?

– Не один месяц рыть придется. А земли сколько вынести предстоит? Сколько ночей не спать? – сомневался в реальности предприятия Фролов. – Сдохнем раньше, чем до воли докопаемся.

– А я работы не боюсь, – Прохоров загасил короткий окурок, поднялся, взял с верстака широкий нож, вздохнул. – Прямо сейчас и начнем.

Он шагнул к тому месту, где раньше стоял пожарный ящик. Прохоров даже не успел понять, что произошло. Хрустнуло, земляной пол под ним провалился, он ухнул в яму, от неожиданности Михаил громко вскрикнул.

Прохоров упал на бок, рядом с ним топорщились обломки фанеры, лежали комья земли. Низкий подземный ход уходил в темноту. Сверху на Михаила глядел Фролов.

– Ну, Зубков, ну и конспиратор! – произнес он, но тут же насторожился, прислушался. – Быстрее выбирайся, пропадем на хрен. – Он протянул руку Михаилу, вытащил его из ямы, толкнул к двери. . .

В барак шагнул охранник из заключенных, немец с карабином остался стоять за порогом.

– Что случилось? – строго поинтересовался охранник, все же работавшие в инструментальной мастерской были привилегированной кастой в лагере, и избивать их сразу не решались, ведь мастера нередко выполняли заказы для администрации офлага.

Прохоров сидел на нарах всклокоченный, смотрел на охранника абсолютно безумными глазами. Фролов в одном белье стоял рядом с ним.

– Приснилось ему что-то, вот и закричал. Место-то новое, непривычное, – объяснял он охраннику, затем перевел это же для немца.

– Чего тебе приснилось? – все еще недоверчиво шурясь, поинтересовался охранник. – Кричишь, словно тебя черти в ад тащат.

– Не приснилось, а почудилось, – замогильным голосом проговорил Прохоров, растирая лицо ладонями. – Тут верхний ярус нар низко нависает. Я проснулся. Темно. Руку протянул, а прямо надо мной доски. Вот и показалось, будто я живьем в гробу оказался. А тут еще сырой землей сильно пахнет.

Выслушав объяснение, охранник рассмеялся.

– В нашем лагере в гробах никого не хоронят. Размечтался. Радоваться надо было. – Он еще раз окинул барак взглядом, задержал его на двери, ведущей в мастерскую, подошел к ней, потянул на себя ручку. – Закрыто. Так, чтобы никаких больше гробов никому не снилось, – строго распорядился он. – Иначе оба будете наказаны. Ясно выражаюсь?

– Куда уж яснее. Извини, что так вышло, – сказал Фролов.

Охранник покинул барак, входная дверь закрылась. Прохоров вытер вспотевший лоб, обессиленный Фролов опустил на нары.

– Пронесло, – беззвучно проговори он. – Ты про гроб хорошо придумал. Внимание сразу переключил.

– Да не придумал я. Это рассказ такой есть у Эдгара По, кажется, про то, как один пьяница на барже, которая сажены цветы в ящиках перевозила, заснул. А потом проснулся в темноте. Вокруг сырой землей пахнет и доски прямо перед лицом. Вот он и закричал.

– Осторожней нам надо быть, – вздохнул Фролов. – Шаг влево, шаг вправо, и пропадем.

Прохоров подошел к двери, вытащил из-под полотна забитый колышек, который и не дал двери открыться, когда ее тянул на себя охранник. Мужчины скользнули в мастерскую, склонились над ямой.

– Темно, ни хрена не видно.

– Спички у тебя остались?

– Одна.

– Если аккуратно, то справимся.

Фролов скрутил из оберточной бумаги фитиль. В этот момент по окнам мастерской вновь полоснул прожектор. В его свете Прохоров заметил в стене ямы аккуратную небольшую нишу, тут же запустил в нее руку. Внутри оказалось несколько свечных огарков и бензиновая зажималка, сделанная из гильзы крупнокалиберного пулемета. Все это было завернуто в пропарафиненную бумагу.

– Еще один подарок от покойника, – проговорил Фролов, разглядывая находку. – Seriously человек к побегу готовился, – Илья хотел спрыгнуть в яму, но Прохоров уже отыскал небольшую лесенку, приставленную к стеллажу с деревянными заготовками.

Оказалось, что и ею пользовался покойный капитан Зубков. Стойки лестницы точно попали в выдавленные ямки. Фролов, а за ним и Прохоров спустились в лаз. Вспыхнула зажималка, от нее занялась свечка. Пламя качнулось. Низкий, только на четвереньках пробраться, подкоп уходил в темноту. Песчаный грунт, чтобы не осыпался, был укреплен дощечками от ящиков.

– Это же сколько ночей надо было потратить на такую работу? – изумлялся Прохоров, когда полз вслед за Фроловым.

– Мы сейчас где-то под виселицей, – определил Илья. – А конца еще не видно.

Неверный свет свечи плясал по стенам. В подкопе было влажно, дышалось с трудом. Но каждый глоток воздуха был одновременно и глотком свободы. Пленные стали владельцами тайны, неизвестной администрации лагеря. И это окрыляло. Тайны, которая могла привести их на волю или же на виселицу.

Наконец Фролов уперся в тупик, тут лежало с десятков дощечек от ящиков, жестяная, чуть тронутая ржавчиной пластинка и пустой мешок.

– Копай! Или, лучше, меня пусти, – нетерпеливо подогнал напарника Прохоров так, словно прямо сейчас им предстояло прокопать путь на свободу.

– Я сам.

Илья принялся срезать жестяной влажный песок, тот падал ровными пластами. Прохоров, просунув под Илей, стоявшем на четвереньках, руку, подгребал его, ссыпал пригоршнями в мешок.

– На сколько углубились? – после продолжительного молчания спросил Прохоров.

– Где-то сантиметров на десять, – прозвучало в ответ.

– Так мало?

– А чего ты хотел? Оттащи грунт и глянть, не идет ли кто. А то тут ничего не слышно, – посоветовал Фролов. – Накроют нас прямо на месте преступления, никакие твои байки про гроб уже не помогут.

Прохоров полз, волоча за собой мешок с песком. В мастерской и бараке по-прежнему было спокойно. Лишь прожектор время от времени освещал окно. Прохоров осмотрелся, прикинул, в чем завтра можно будет вынести песок из барака. Сразу же понял, что его с Фроловым карманов на такое количество не хватит. И тут его осенило, он принялся рассыпать песок по земляному полу, а затем стал его утаптывать. Понять в ночи, что из этого получилось, было не так-то просто. Михаил вновь спустился под землю, прополз подкоп.

– Тихо все там. Никому до нас нет дела, – сообщил он Фролову и принялся выгребать из-под него песок.

Огарок свечи еле-еле горел, да и дышать было тяжело. Ощущение прошедшего времени было обманчивым. Когда Прохоров в очередной раз выбрался в мастерскую, за окнами уже занимался рассвет.

– Илья, светает, – бросил он в лаз.

Говорил негромко, но по опыту уже знал, что его услышат. Звук в узком подземном ходе распространялся отлично.

– Сейчас, только стенки укреплю, чтобы не обвалились, – отозвался Илья.

Фролов укреплял подкоп дощечками точно так же, как это делал Зубков, благо было с чем сравнивать. Вскоре он уже выбирался из ямы.

– Готово, сегодня мы полметра прошли. – От нахлынувших чувств Илья обнял Михаила.

– Некогда, надо следы заметать. Может, прямо так на яму ящик и надвинем?

– Не пойдет. Все по науке делать надо.

Отыскивали лист растрескавшейся фанеры – крышку от какого-то ящика. В яму поставили для него подпорку и закрыли лаз. Сверху насыпали земли, утрамбовали ее, разровняли дощечкой.

– Словно так и было, – прищурился Илья. – Зубков – голова... Сам бы я до такого не додумался.

Тяжелый пожарный ящик стал на свое место, сухой песок из мешков быстро заполнил его. Теперь при дневном свете стала заметна разница между грунтом земляного пола и свеженасыпанным песком. Пришлось еще немного потрудиться. Ножом ковыряли землю, смешивали ее, трамбовали ногами.

Наконец, все следы работы были уничтожены. Мастерская выглядела так, как раньше. Правда, с дверным замком пришлось повозиться, ригель никак не хотел выдвигаться. Но все же Фролов справился и с ним.

– А теперь – спать, – устало произнес он, сбрасывая сапоги.

Уставшие, обессиленные пленные офицеры упали на нары. Однако они даже не успели заснуть, как из динамиков по всему лагерю зазвучал энергичный военный марш.

– Подъем, – скомандовал Прохоров. – И постарайся, Илья, сегодня особо не зевать. Пошли на перекличку.

* * *

В ворота офлагеря въехал черный «Опель» с красными медицинскими крестами на дверцах и крыше. Машина неторопливо подкатила к зданию администрации. Встречать гостя вышел сам комендант.

Вильгельм Гросс вскинул руку в нацистском приветствии навстречу выбравшемуся из автомобиля грузному мужчине в форме полковника.

– Хайль Гитлер! – зычно выкрикнул штурмбаннфюрер.

Гость как-то очень не по-военному махнул рукой и без особого энтузиазма произнес.

– Хайль.

– Прошу, господин полковник, – отступил в сторону эсэсовец, пропуская визитера в здание.

Появление легковой машины с военными номерами и красными крестами на дверцах тут же заставило работать фантазию пленных. По лагерю поползли слухи, что полковник приехал набирать людей для медицинских опытов. О том, какие опыты проводят над пленными и заключенными в нацистских лагерях, ходили легенды. И отличить правду от вымыслов было сложно. С этих опытов никто еще не возвращался. Рассказывали о том, что нацистские медики отрезают человеку голову, а потом приживляют ее собаке. Причем один из пленных клялся и божился, что сам видел такого монстра на полигоне, куда пленных вывозили на земляные работы. Почему-то особой популярностью среди узников пользовалась версия, будто бы нацистские медики проводят опыты по превращению мужчин в женщин. Впрыскивают какую-то дрянь, после чего половые органы хиреют, отваливаются, вырастает грудь. Никто не мог ни опровергнуть эти слухи, ни подтвердить их. Но, в любом случае, желающих добровольно оказаться в роли подопытных животных среди пленных не находилось, хотя и рассказывали, что испытуемых неплохо кормят.

На самом деле визит полковника-медика имел куда более прагматичный характер, да и душегубом в полном смысле этого слова он не был.

Вильгельм Гросс сидел за столом в своем кабинете и морщил лоб, вчитываясь в бумагу на официальном бланке. Его племянник Калау устроился за журнальным столиком и попивал свежесваренный кофе, заедая его сдобной выпечкой.

– Не желаете коньяка? – не отрываясь от чтения, спросил хозяин кабинета у гостя, расположившегося напротив в мягком кожаном кресле.

– Благодарю, но у меня насчет спиртного жесткое правило – не употребляю до шести вечера, – ответил полковник.

– Похвально, – согласился штурмбаннфюрер, откладывая отпечатанное на машинке письмо с размашистой подписью внизу. – Значит, медицинская служба вермахата просит меня предоставить в ее распоряжение триста пленных русских?

– Абсолютно точно, – подтвердил полковник.

– Почему именно офицеров? Можно узнать?

– У нас посчитали, что офицеры содержатся в лучших условиях, чем рядовой состав. А значит, в их среде меньше болезней.

– Не думаю, – пожал плечами Вильгельм Гросс. – Болезней и здесь хватает. Мои люди избегают заходить в бараки. Всю готовую обувь мы обрабатываем дезинфицирующим составом. Это заслуга нашего медика, он ввел такой порядок, – Гросс указал на своего племянника, тот благодарно кивнул. – Просьбу я могу исполнить. Триста пленных вы получите. Но мой вам совет, лучше пришлите за ними автомобильный транспорт. Своим ходом колонна до железнодорожной станции не доберется. По дороге вы потеряете как минимум треть людей.

– Вы меня не совсем поняли. – Полковник поправил пенсне в золотой оправе. – Мне нужны крепкие, здоровые мужчины.

– Мне тоже они нужны. У меня в лагере производство. Рабочий ресурс для каждого пленного – тысяча пар обуви. А потом мы пленных утилизируем.

Полковник удивленно посмотрел на коменданта лагеря.

– Я постараюсь вам объяснить тему, которой сейчас занимаюсь. Она очень важна для Германии, для ее победы. Вы знаете, по какой схеме производится переливание крови у нас в войсках?

– Знаю, – встрял в разговор племянник коменданта. – Я служил на Восточном фронте. Раненый, вынесенный с поля боя, лежит на носилках. Рядом с ним – донор. Кровь переливается через трубку-катетер из вены в вену.

– Абсолютно верно, – подтвердил полковник медицинской службы. – Способ хорош, но лишь для условий госпиталя в тылу. На передовой же нам приходится выводить доноров из боя, тем самым мы ослабляем наши войска. Снижаем их боеспособность. Британцы же используют другой метод. Они научились консервировать донорскую кровь и доставляют ее на передовую уже в банках, из которых и переливают ее раненым. Вот над внедрением этого метода я сейчас и работаю. Поэтому мне и нужны доноры – крепкие, здоровые мужчины.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.